

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

ТРИ
ПОВЕСТИ
О ЧУДЕСАХ

ЧИСТАЯ ФЭНТЕЗИ

Генри Лайон Олди

Захребетник

Серия «Три повести о чудесах», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142626
Три повести о чудесах: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25972-4*

Аннотация

Возможны ли чудеса в мире, насквозь пронизанном волшебством? В мире, где живут дипломированные чародеи, где магию зовут Высокой Наукой и применяют повсеместно? Не спешите делать выводы – и колдун может столкнуться с чудом, выходящим за пределы его могущества.

Ментальный паразит-захребетник цепляется к юному мастеру клинка. Снуль, похожий на спрута разносчик снов, терзает по ночам спящего в гробу вампира. Внук сорентийской кликуши и Слепого Циклопа рождается безумцем, обладателем губительного третьего глаза. Но Олди не были бы верны себе, если бы за этим пиришеством фантазии не стояли вечные человеческие проблемы. Сколько стоит миг милосердия? Почем нынче честь и отвага? Какой мерой измерим победу над самим собой?

Содержание

Повесть первая,	4
CAPUT I,	5
CAPUT II,	23
CAPUT III,	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Повесть первая, или Захребетник

Глаз за глаз. Зуб за зуб. Сколько дашь, столько и вернется. Добром за добро, злом за зло. Воздалось по заслугам. Баи на баи. И так далее. Что-то в этой общепринятой системе счисления мне всегда казалось неестественным. Хотя я так и не смог определить, что именно...

Из записей Нихона Седовласца

САПУТ I,

**в котором плещут волны и цветут
дикие абрикосы, кричат чайки и
торговцы, врачуются душевные раны
и затеваются случайные знакомства,
а также выясняется, что от вкуса
халвы до звона клинков – девять
с половиной шагов по прямой**

Солнце сияло.

Море шумело.

Бульвар Джудж-ан-Маджудж кипел жизнью.

– Фисташки! Жареные фисташки!

– Шербет! Вкусней поцелуя красавицы! Гуще крови ге-
роя! Дешевле чужого горя! Налетай, наливай...

– Ай, кебаб! Вай, кебаб!

– Дай кебаб!

– Сувениры! На память! На добрую память, на вечную па-
мять!..

– Перстни с джиннами! Лампы с джиннами! Кому город
разрушить? Кому дворец построить? Кому в Дангопею сле-
тать?

– Халва! Идешь мимо, уже сладко...

– Эй, зеваки! Эй, ротозеи! Отправляйтесь с Кей-Кубадом Бывалым в хадж по достопримечательностям! Дворец султана Цимаха! Руины Жженого Покляпца! Собрание мумий Бейлер-бея! Кто не видел, зря жизнь прожил!

– И вот этот кисломордый иблис, чья душа – потемки, чье сердце – омут смердящий, а руки подобны крючьям могильщика, и говорит мне скверным голосом: «Душенька, если вы согласитесь выйти за меня замуж, я буду счастливейшим человеком в мире...»

– А ты?

– А что я? Замуж-то хочется...

На востоке как на востоке, особенно в Бадандене. А уж если не спеша идти по знаменитому бульвару Джудж-ан-Маджудж, спускаясь к морю... Право слово, уважаемые, ничего в мире восточней не найдешь, хоть сто лет скачи в нужном направлении. Только зря время потратите.

Судите сами!

Родинки на щеках красавиц здесь похожи исключительно на комочки амбры. Тюрбаны на лысинах мудрецов возвышаются, как кипарисы в предгорьях ад-Самум. Доблесть воинов вопиет к небу, нега гаремов стелется ароматным дымом кальяна; любопытство приезжих расцветает алой розой в райском саду. Юноши в Бадандене стройны, как ла-лангское копьё, мальчики прекрасны, как песнь соловья, а зрелые мужи рассудительны, как целый диван визирей, брошенных

в зиндан за головотяпство.

О халве уже можно не говорить.

– Халва! Ореховая!

– Халва-а-а! Фисташковая!

– Подсолнечная!

– Морковная!

– С кунжутом! С сабзой!

– По усам течет, сердце радуется...

– ...ва-а-а-а!

В кипении страстей, в облаке ароматов, под вопли торговцев и сплетни отдыхающих, по бульвару шел молодой человек в камзоле цвета корицы, изящный и задумчивый. Дамы всех возрастов, пригодных для легкого флирта или любви до гроба, провожали его взглядами, за которые иной ловелас пожертвовал бы фамильным состоянием.

Но объект дамского интереса шел дальше.

Молодому человеку было слегка за двадцать, и он полагал себя циником.

Циником в такие годы становятся, потерпев крах в романтическом увлечении, растратив казенные деньги или разочаровавшись в идеалах. Джеймс Ривердейл, виконт де Треццо – а именно так звали нашего молодого человека, – принял к утешительным сосцам цинизма в связи с третьим вариантом.

Еще недавно у него имелись идеалы.

Дивные и возвышенные.

И вот они рухнули, столкнувшись с действительностью.

Едва оправившись от ран, в частности, от перелома челюсти – увы, чаще всего идеалы, рушась, дают идеалисту по зубам! – он порвал с былыми соратниками, о чем уведомил их в письменной форме, ждал вызова на дуэль, не дождался, сутки выбирал между веревкой и ядом, не выбрал, купил себе два камзола: черный с серебром и цвета корицы с золочеными крючками – и наконец спросил совета у горячо любимого дедушки:

«Как быть дальше?»

Дед, Эрнест Ривердейл, граф ле Бреттэн, который принимал живейшее участие в судьбе любимого внука и немало поспособствовал обрушению идеалов, в совете не отказал. Курорт, сказал дед, запой и любовница. Любовниц лучше две: молоденькую для куражу и зрелую для престижа. Еще лучше три, но тогда весь отдых пойдет грифону под хвост.

– Но куда мне поехать?

Выбор курорта для молодого человека оказался много сложнее выбора между веревкой и ядом.

– Езжай в Баданден, Джеймс. Там, где солнце кипит в крови, душа врачуетса сама собой.

Патриарх семьи хотел добавить, что в двадцать четыре года новые крылья у души отрастают быстрее, нежели хвост у ящерицы, но улыбнулся и промолчал. Он был мудрым человеком, Эрнест Ривердейл, мудрым, а главное, деликатным.

Редкое качество для близкого родственника.

А для родственника преклонных годов – редкое вдвойне.

Дед оказался прав. Если по дороге из Реттии к границам Баданденской тирании Джеймс занимался самоедством и полагал, что жизнь кончена, то, уже проезжая над бухтой Абуль-Фаварис, молодой человек получил приглашение от уса-ча-бахадуре, героя Шейбубской баталии, разделить со львами пустыни казан плова. Здесь, в чудесном уголке природы, для военачальников, раненных в битвах за отчизну, указом тирана Салима ибн-Салима XXVI был обустроен парадиз с казенными красавицами и юными виночерпиями.

Ветераны же, кейфуя, маялись неудовлетворенным чувством гостеприимства.

Казан плова растянулся на неделю. Казенные красавицы обласкали гостя в полной мере, не взяв ни гроша. Завет деда о лечебном запое воплотился в жизнь с лихвой. И дальше Джеймс поехал изрядно утешенный, прославляя достоинства курорта в чеканных бейтах, принятых меж львами пустыни. Ко львам он с недавних пор стал причислять и себя тоже.

Голова болела, рифма хромала, зато в сердце царила весна.

Добравшись до Бадандена, он остановился в пансионате Ахмета Гюльнари. Цены за постой оказались умеренны, а радушие хозяина и расторопность прислуги – выше всяких по-

хвал. Так не бывает, говорил здравый смысл. Что ж, значит, это чудо, отвечал Джеймс. Разве после всех мытарств я не заслужил маленького чуда?

Скептически фыркнув, здравый смысл уступил место здоровому сибаритству.

Жизнь стала определенно налаживаться. С любовницами Джеймс решил повременить, утомленный бурной неделей в бухте Абу-ль-Фаварис. Он бездельничал, спал до обеда, фланировал по бульвару в те часы, когда солнце милосердно к приезжим; принимал целебные грязевые ванны, затевал разговоры с незнакомыми людьми, болтая о пустяках и прихлебывая красное вино из глиняных чаш; раскланивался с привлекательными девицами и делал заметки на будущее.

Короче, с пользой тратил часы досуга.

Трижды в день он ел люля-кебаб, завернутый в тончайшую лепешку, шиш-кебаб на вертеле, политый кислым молоком, джуджа-кебаб из цыпленка, жаренного над углями из можжевельника, и «черную» похлебку на бараньей крови с кардамоном. В перерывах между этими трапезами он ел в разумном количестве нугу, рахат-лукум, козинаки и, разумеется, халву.

О, халва!

Возникало опасение, что новые камзолы придется распускать в талии.

Один раз он заглянул в публичный диспутарий, где наслаждался спором тридцати улемов в полосатых халатах с трид-

цатью улемами в халатах из кашемира, расшитых шелком. Спор мудрецов шел о разнице между великим и низменным как мнимой величине и закончился общей дракой. Джеймс получил огромное удовольствие, разнимая улемов. Один из них, самый образованный, а может быть, самый буйный, оборвал ему с камзола цвета корицы один золоченый крючок.

Потом, остыв, мудрец извинился, достал иголку с ниткой и пришил крючок собственноручно. Да так, что любой портной обзавидовался бы.

После визита в диспутарий Джеймс почувствовал себя созревшим для горних высот мудрости. Заводя разговоры под красное вино, он оставил пустяки, не заслуживающие доброй драки, и принялся обсуждать вещи возвышенные, можно сказать, философские. Нет истинной дружбы на земле. Добро и зло – яркие погремушки для наивных идиотов. После меня хоть потоп. Живи сегодняшним днем. Все женщины... Ну хорошо, не все. Вы, сударыня, счастливое исключение.

Но в целом-то вы со мной согласны?

С ним соглашались.

Или спорили, что, в сущности, лишь увеличивало количество мудрости на земле.

Похоже, не только у Джеймса Ривердейла недавно рухнули идеалы. На бульваре Джудж-ан-Маджудж хватало скоропелых циников, случайных мизантропов и взрослых, опытных, славно поживших на белом свете людей от пятнадцати

до двадцати пяти лет, которым прописали лечение курортом.

– Хаммам! Банный день! Парим, моем! Чешем пятки, вправляем мослы...

– Пеналы! Каламы! Чернильницы!

– Кому древний артефакт? Из Жженого Покляпца?! Из Цветущей Пустыни?!

– Халва!

– Публичные казни! Все на площадь Чистосердечного Раскаяния!

– И вот эта пери, чьи бедра – кучи песка, а стан подобен гибкой иве, покачиваясь и смущая умы, говорит мне голосом, подобным свирели: «Пять дхармов, ишачок, и стели коврик хоть здесь...»

– А ты?

– А что я? Постелил...

– Халва-а-а-а-а!

– Рустенские клинки! Ла-лангские копья! Сами колют, сами рубят!

От разносчика халвы до наемного зазывалы, что драл глотку перед оружейной лавкой, было ровно девять с половиной шагов. Это если идти по прямой. Зачем Джеймс считал шаги – неизвестно. И зачем решил зайти к оружейнику, тоже осталось загадкой в первую очередь для него самого. Покупать копье, которое, согласно рекламациям, само колет – орехи, что ли? – он не собирался.

Любому копыю-самоколу Джеймс Ривердейл предпочитал

рапиру в правой руке и дагу в левой. Но отпрыск семьи, поколение за поколением рождавшей учителей фехтования, сам отменный боец, любимец маэстро Франтишека Челлини, прошедший полный курс воинской гипноконвертации в хомобестиарии храма Шестирукого Кри; человек оружия до мозга костей...

Странно, что он не явился в эту лавку сразу по приезде в Баданден.

Должно быть, цветущие абрикосы отвлекли.

Наличие зазывалы наводило на грустные размышления. Хороший клинок не требует, чтобы про него орали на весь бульвар. Настоящий булат из Рустена любит тишину, потому что, как правило, провозится контрабандой. Но, шагнув за порог и окинув взглядом стойки с товаром, предназначенным для нанесения ран разной степени тяжести, Джеймс понял: все не так уж плохо.

Вполне славные крисы из Мальтана.

Можно кое-что подобрать из стилетов.

Копья – дерьмо.

Раздолье для любителей ятаганов.

Рустенские сабли – подделка.

Есть приличные бретты с чашкой в «пол-яйца».

В глубине лавки хозяин, бойкий толстячок, обсуждал с клиентом достоинства охотничьей шпаги. Клиенту нравился длинный и прочный клинок, расширявшийся к острию на манер лопаточки. И рукоять нравилась. Но поперечная че-

ка, вставленная в отверстие лопаточки, ему казалась недостаточно надежной.

Хозяин же уверял, что чека несокрушима, как Овал Небес.

– Слона удержит! Дракона!

– Так уж и дракона... – сомневался клиент.

– Левиафана!

Охотничья шпага мало заинтересовала Джеймса. Такие в Реттии называли «свинскими мечами», и ходили с ними не на слона и уж тем более не на дракона, а на дикого кабана.

Должно быть, клиент – страстный любитель кабаньей печени...

Он повертел в руках тяжелый палаш-зульфикар с раздвоенным острием и вернул обратно на стойку. Палаш не вдохновил, несмотря на экзотичность «жала». Разочаровал и легкий фламберж с волнистым лезвием – главным образом ценной. Метнув в мишень три кинжала бахарской работы, один за другим, Джеймс соорудил кислую мину.

И наконец взял ту бретту, на которую положил глаз еще при входе.

«Никогда не стоит явно демонстрировать свой интерес, – учил его дед. – Кто бы на тебя ни смотрел, в открытую или исподтишка, враг или торговец, оставайся невозмутим. Впрочем, дорогой внук, не в коня корм. Это понимаешь только с годами...»

Джеймс тайком улыбнулся.

Мы, циники, и в молодости бесстрастны, как скала.

Он сделал пару пробных выпадов, глубоких и нарочито медлительных. Взял ряд небрежных парадов: приму, терцию, круговую секунду. Со стороны могло показаться, что молодого человека атакуют шквалом секущих ударов. Завершилась серия уклонением одновременно с глубочайшим *passado sotto*, при котором левая рука оперлась о пол.

Получилось недурно.

Очень длинный и тяжелый клинок бретты позволял на рипосте удачно сыграть корпусом, выдергивая оружие в другую плоскость.

– Не ахти, – сказали за спиной.

Не оборачиваясь, Джеймс повторил всю серию, от первого выпада до завершающего рипоста с *passado sotto*. На этот раз он в финале довел дело до крайности, буквально стелясь над землей и далеко отставив назад левую ногу.

Острие бретты ударило в опору стойки с кинжалами.

– И тем не менее, – сказали за спиной. – Я не о вас, сударь. Вы чудесно владеете клинком. Но эта бретта слишком тяжела для таких игр. Есть риск получить по голове. Или по руке. Скорость – великое дело.

– Возможно, я получу по голове, – спокойно ответил Джеймс. – А возможно, кое-кто получит славный укол в локоть. Или ладонь доброй стали в правый бок. На вашем месте я бы не был столь категоричен...

И повернулся к незваному советчику.

Разумеется, это был не хозяин лавки.

Хозяин бы себе никогда не позволил фамильярности.

Это был клиент.

В определенной степени, выражаясь слогом трубадуров, Джеймс смотрел в зеркало. Любитель «свинских мечей» оказался с ним одного роста. И сложен был примерно так же: сухой, гибкий, подвижный. «Звоночек», шутил дедушка Эрнест, находясь в добром расположении духа.

Одевался клиент не по баданденской – скорее по южно-анхуэсской моде. Хубон на волосяной подкладке, формой напоминающий доспехи; широкие, туго простеганные штаны до колен. На плечи «охотник», как молча прозвал его Джеймс, набросил короткий плащ. Голову венчала шляпа с узкими полями.

Но что касается лица, то зеркало оказалось кривым.

Лицо под шляпой подходило скорее бюргеру-пивовару, мало гармонируя с телосложением записного дуэлиста. Брюзгливый рот, одутловатые щеки. Мешки под глазами. На висках – косые залысины; на затылке волосы собраны в щеголеватый пучок – черно-серебряный, как первый из двух новых камзолов Джеймса. Рябые щеки – последствия оспы или кожной болезни. Шрамик на левой скуле: звезда о семи лучах. Под кустистыми бровями, спрятавшись в норы глаз-

ниц, блестели две вишни – влажные, очень темные.

И орлиный нос с нервными ноздрями.

Раньше, беседа с хозяином, «охотник» стоял к Джеймсу спиной. Молодой человек не мог видеть его лица. Разве что мельком, когда «охотник» слегка поворачивал голову, изучая приглянувшееся оружие. И все равно казалось, что у него было другое, более подходящее лицо.

А это ему приспособили от случайного чужака, на скорую руку.

Потехи ради.

«Что за дурацкие мысли?!» – одернул себя Джеймс.

В самом деле, для выпускника хомобестиария Шестирукого Кри, человека, одной из трех боевых ипостасей которого был гноль-псоглавец, он мыслил слишком косно. Если ты видел человеческие лица у птиц, львов и козлов или бычью морду над мощными плечами богатыря, как у Иржека Чапы, добродушнейшего борца-минотавра, с кем ты выпил после занятий немало сладкого мускателя...

– Желаете попробовать?

В словах Джеймса крылся вызов.

Хозяин лавки благоразумно исчез без промедления. К чему мешать благородным господам делиться друг с другом секретами искусства? Видимо, он сталкивался с подобными случаями не в первый раз. А иногда даже имел от этого кое-какую выгоду.

Но недоверчивый собеседник вдруг улыбнулся, разом

сняв напряженность ситуации. Когда рябой улыбался, лицо его становилось гораздо симпатичней, прямо-таки лучась обаянием.

– Я не хотел вас обидеть, сударь. Простите, если мой комментарий показался вам оскорбительным. Конечно же, я хочу попробовать. Только, умоляю вас, давайте помедленнее... Мне хотелось бы вникнуть в суть приема, а не провоцировать ссору. Полагаю, вы тоже не сторонник рейнконтра?

Джеймс кивнул, оттаивая.

Рейнконтром в школах фехтования называли бой без правил.

– Эй, хозяин! – рябой огляделся. – Дай-ка нам пару шелковых пуговиц!

– Зачем? – поморщился Джеймс.

Он не был поклонником пуговиц, обтянутых шелком, – их надевали на острия шпаг во время учебных поединков.

– Смею надеяться, сударь, мы с вами достаточно опытны?

В качестве согласия рябой обнажил шпагу, висевшую у него на поясе, и отсалютовал Джеймсу. В ответ молодой человек приветствовал «охотника» бреттой, которую до сих пор держал в руке, – и без предупреждений перешел к действиям, двигаясь с демонстративной неторопливостью.

Финтом в кварту он вынудил соперника сделать шаг назад. Затем, притворившись, что замешкался с продолжением, спровоцировал серию ответных ударов, коротких и быстрых, наносись они в настоящем, а не договорном бою. Этой

атаке, в которой чувствовалась школа, Джеймс противопоставил ряд академически четких, выверенных, что называется «до ногтя», парадов. И в тот миг, когда звон клинков достиг апогея – так опытный дирижер сердцем чувствует нарастающее крещендо оркестра, – молодой человек провел требуемый *passado sotto*.

Не очень глубокий, но вполне достаточный.

Кончик бретты легонько тронул локоть «охотника».

– Туше!

– Блестяще! Признаюсь, я был не вполне прав, споря с вами...

Похвала, скажем честно, приятна даже самым прожженным циникам. Джеймс подумал, что ошибся с первоначальной оценкой рябого. Вне сомнений, достойный сударь. Весьма достойный.

И готов признать ошибку вслух, что есть признак благородства.

– Еще раз?

– Конечно! Что вы скажете, если я...

Рябой попробовал в конце серии достать клинком голову уклоняющегося Джеймса – и не достал. Вместо этого длинная бретта еле слышно уколола его в правый бок. Войди рапира всерьез, у «охотника» возник бы повод опасаться за свою драгоценную печень.

– Превосходно!

– Вы мне льстите...

– Ничуть! Позвольте, я рискну повторить вслед за вами...

Джеймс кивнул и поменялся с «охотником» ролями, перейдя в атаку. Парады рябого выглядели более чем прилично; правда, им недоставало блеска. Повторяя *passado sotto*, рябой применил тот самый глубочайший вариант с опорой левой рукой об пол. Вышло неплохо, но в последний момент задняя нога «охотника» чуть поехала.

Удерживая равновесие, рябой больше, чем следовало бы, наклонился вперед. Выпад получился длиннее задуманного, и острие шпаги разорвало ткань камзола на боку Джеймса Ривердейла.

Камзола цвета корицы, с золочеными крючками.

Боли Джеймс не почувствовал. Царапина, поводом для которой явилась неловкость рябого, вряд ли была опасна. Вместо раздражения – камзол-то жаль, как ни крути! – в сердце закралось горделивое удовлетворение. Прием-то вы, сударь, повторили, но сами видите – в руках мастера и палка гору насквозь проткнет, а подмастерью вели от пола отжиматься, он и лоб всмятку...

– Ах! До чего я неловок! Сударь, молю вас...

Рябой рассыпался в извинениях.

Выглядел он трогательно: испуган, взволнован, готов на все, лишь бы раненый не счел его ошибку намеренной провокацией. От денежной компенсации Джеймс отказался, несмотря на то что рябой настаивал; предложение оплатить лекаря также отклонил. Царапина сразу перестала кровоте-

чить, не испачкав ткани. А камзол, как выяснилось при внимательном осмотре, вполне мог обойтись ниткой, иголкой и незамысловатыми услугами портного.

За удовольствие надо платить.

Мы, циники, это знаем.

Дырка в камзоле и оцарапанный бок – невелика плата за радость скрестить клинки с достойным человеком. Вы, сударь, так и понимайте: обиды не держу, вполне доволен, извинения принял. Рекомендую добиться, чтобы кисть и локоть руки шли вниз одновременно. Да, совершенно верно. Еще поработайте с ногами, следя, чтоб вас не поймали на укол с оппозицией. И будете неподражаемы.

Разрешите откланяться?

Бретту Джеймс раздумал брать. Все-таки тяжеловата. Впрочем, если в день отъезда из Бадандена останутся лишние деньги, а хозяин лавки не найдет бретте другого покупателя...

Размышляя таким образом, он вышел на бульвар, прошел девять с половиной шагов от входа в оружейную лавку до разносчика халвы, затем еще двадцать четыре шага к чайхане «Под небом голубым», – где сел за ближайший столик и вскоре отдал должное люля-кебабу, завернутому в тончайшую лепешку, шиш-кебабу на вертеле, политому кислым молоком, джуджа-кебабу из цыпленка, жаренного над углями из можжевельника, и «черной» похлебке на бараньей крови с кардамоном.

В качестве десерта он взял нугу, рахат-лукум, козинаки и, разумеется, халву.

В разумном количестве.

А потом спросил у чайханщика:

– Уважаемый, где можно найти поблизости хорошего портного?

САПУТ II,

**в котором все остается по-прежнему:
плеск волн и цветение абрикосов,
крики чаек и торговцев, но от угла
улицы до звона клинков на этот раз –
сто двадцать четыре шага по прямой,
а дальше – как кому повезет...**

- Кальян в девятый номер!
- Лепестки роз для омовения! Номер восемнадцать!
- Слепого массажиста Назира – к даме из номера три!
- Кофий госпоже Вивиан! Живо!
- Сменить шторы в тридцать девятом!
- Принять вещи у солнцеподобного гостя! Эй, гулям!
- Не трудитесь, Ахмет. Мой багаж не нуждается в носиль-

щике...

В свое время, еще только приехав для обучения в храм Шестирукого Кри, Джеймс всерьез полагал, что Кристоальд Скуна, основатель храма, шестирук на самом деле. И был очень удивлен, вручая магу письмо от деда и обнаружив, что прославленный гипнот-конверрер – такой же, как все, а шестирукость – лишь художественный образ.

Зато в Бадандене, дивясь расторопности Ахмета, он ни

капельки бы не изумился шестирукости, восьминогости и двуязычию содержателя пансионата. Пожалуй, Ахмет мог бы сказать без тени преувеличения:

«Пансионат – это я!»

Сейчас Ахмет, не переставая сыпать приказами направо и налево, регистрировал в книге чету новых гостей, судя по всему мужа и жену. Двор вокруг них кишел жизнью – бурной, но достаточно тихой, чтобы не беспокоить тех постояльцев, кто до сих пор наслаждался сном.

Как это получалось, Джеймс не знал. И знать не хотел. Изнанка любого искусства малопривлекательна, в отличие от фасада.

Одеты новые гости были по-реттийски. Сперва Джеймс решил, что перед ним – не слишком богатый аристократ с супругой. Гость, мужчина вдвое старше Джеймса, отличался элегантностью костюма и изысканностью манер. Дорожный парик до плеч, борода клинышком разделена посередине седой прядью; в правой руке – черная трость с набалдашником в виде пучка медных гвоздей.

При шпаге, он тем не менее не производил впечатления человека, часто обнажающего клинок. Но ироничный прищур и твердость взгляда ясно говорили: этого господина лучше не задевать.

Себе дороже выйдет.

А если какому-нибудь забияке оказалось бы мало указанных примет, то наглеца остановил бы багаж гостя. Груда че-

моданов, баулов, шляпных коробок и саквояжей семенила на паучьих ножках вслед за владельцем, хищно клацая замками, – и, безусловно, кинулась бы с отвагой его защищать, нуждайся маг в помощи.

Жену мага Джеймс не запомнил. Недостойно дворянина пялиться на даму, словно уличный зевака. Ну, рыженькая, средних лет. Фигурка пышная, но с талией. На любителя. Наверное, провинциалка, сумевшая посредством брака перебраться в столицу. Тоже магичка?

Вряд ли.

Слишком простовата на вид.

Оставив Ахмета размещать новоприбывших со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами, он покинул двор пансионата. Миновал коновязь – точнее, верблюдовязь, если судить по количеству горбатых великанов, меланхолично жующих жвачку. Подмигнул хорошенькой служаночке, несущей полный кувшин так, чтобы подчеркнуть крутизну бедра; в ответ получил игривую улыбку...

И пошел отдыхать дальше.

Отдых, положив руку на сердце, – занятие чрезвычайно утомительное. Иной предпочтет суровую долю круглосуточного лесоруба, лишь бы не прилечь на тахту в окружении невольниц и сладкозвучных чангиров. На тахту, судари вы мои, раз ляжешь, два ляжешь, и не встанешь, и лес рубить не захочешь; смотришь, а жизнь пролетела мимо.

Так и провалялся все бытие напролет, сунув розу за ухо.

Ни тебе соленого пота, ни пальца, в спешке отрубленного топором, ни попреков жены, ни плача малых деток, ни болей в спине, ни бессонницы, ни сведения вертких концов с концами, ни честной нищеты в старости, ни общей могилы, залитой известью...

Ужас!

А что поделаешь?! – иногда приходится и отдыхать, чтоб его...

Вот и Джеймс Ривердейл со всей ответственностью ринулся в душистую купель кейфа. Затесавшись в толпу ценителей у здания суда, около часа любовался вертящимся дервишем. Когда Джеймс подошел, дервиш уже вертелся; когда уходил, дервиш еще вертелся. Похоже, до единения с Абсолютом дервишу оставалось лет двадцать. Полы одеяний святого человека кружились с механической равномерностью, шапка из войлока стояла столбом.

На шапке сидел голубь и чистил клювом перья.

Кое-кто из зрителей от зрелища начал впадать в гипнотический транс, рассказывая соседям стыдные истории из своего детства и умоляя простить грехи. Таких били палками и гнали прочь.

С веранды духана «Слезы гуля» Джеймс некоторое время глазел на дворец Салима I, в юности – погонщика мулов, в старости – сотрясателя Вселенной и основоположника Баданденской тирании. Дворец в этом году начали реставрировать, и на стенах копошились люди с инструментами.

Толку от их действий на первый взгляд не наблюдалось.

Вняв рекомендациям говорливого духанщика, он изменил обычным правилам и вместо кебабов угостился пловом с зернышками граната, жареной требухой и огненно-острой кюфтой с горохом. Трапезу Джеймс запивал ледяным джаджиком – кислым молоком, заранее подсолненным, куда повар мелко накрошил огурцы, чеснок, фенхель, чабрец и мяту.

Затем растянулся на ковре, покрывавшем нары, и два часа дремал.

Снились воинские подвиги.

Много.

Проснувшись, он спустился к набережной, где царствовал старик-макамбер, рассказчик плутовских баек-макам. Вокруг старца ахали и смеялись слушатели, большей частью приезжие.

– Опрокинул я чашу дремоты, ехал я по горам и болотам, на ките плыл по морю, на орле парил в небе, – трещал макамбер, не переставая, – почерневший от горя, весь в заботах о хлебе...

Джеймс не без удовольствия выслушал историю о хитроумном воре и трех красавицах, о хитроумном воре и хлебопекe, о султane Цимахе и хитроумном воре, а также о восьми хитроумных ворах, хваставшихся своими подвигами в темнице. В конце последней макамы он поймал за руку юного карманника, судя по внешности внука макамбера, насладил-

ся его мольбами, зарифмованными в стиле «лубья», и отпустил.

Слушатели рукоплескали его доброте.

А старец-рассказчик сочинил экспромт о хитроумном воере и благородном герое.

Настал вечер. Серебряный шейх – месяц всплыл над Баданденом в окружении верных мюридов-звезд. Аромат цветов, усилившись к ночи, щекотал ноздри. Фонарщики с шестами бегали от одного фонаря к другому; разносчики халвы сипели сорванными голосами, продавая остатки товара.

На площади Чистосердечного Раскаяния вокруг эшафота, где днем совершались публичные казни, дети водили хоро-воды.

Спустившись в портовую часть города, Джеймс посетил харчевню «Осел и роза», за которой водилась дурная слава. Там он плотно поужинал, втайне ожидая приключений, не дождался – и направил стопы в квартал Шелковых Ресниц, в салон Бербери-ханум.

* * *

На подходах к кварталу бродили ночные сторожа с колотушками, маракасами и кастаньетами, производя дикий шум. Каждые две минуты они возвещали басом, которому позавидовал бы озабоченный продолжением рода ишак:

– Спите, жители славного Бадандена! В городе все спо-

койно!

По мнению Джеймса, спать в таких условиях мог только мертвец, да и то не всякий. Но в окрестности Ахметового пансионата сторожа, к счастью, не забредали. А здесь – пусть кричат. Работа трудная и вредная: вон на усатого крикуна уже вылили горшок помоев, бородатому скинули на голову кошку, лысого затащили в подворотню, содрали чалму и, кажется, бьют...

А пострадавшие на боевом посту знай покрикивали:

– Спите, жители славного Бадандена!

– Спите, кому сказано!

– Покойной ночи!

Жилье для приезжих в этом районе стоило раз в пять дороже, нежели на окраинах. Наверное, в связи с неповторимым местным колоритом.

Приближаясь к салону Бербери-ханум, Джеймс заранее предвкушал все радости рая. Салон ему рекомендовал Ахмет, знавший о Бадандене все и даже сверх того. Если верить Ахмету, раньше салон был гаремом поэта Мушрифы Хамари, любимца визиря Назима Справедливого. Желая подольститься ко всемогущему визирю, всякий проситель сперва дарил поэту красивую невольницу, обученную разным искусствам – игре на лютне и чанге, пению, танцам, а также ведению утешительных бесед.

Но однажды поэт умер от черной зависти, услышав «Касыду сияния» аль-Самеди, визиря же зарезал кто-то из про-

сителей, взбешенный знаменитой справедливостью Назима, – и гарем остался без мужа и покровителя.

Положение спасла главная жена Бербери-ханум. Женщина деятельная и предприимчивая, она подмазала скрипящие колеса власти медом хабаров – и под ее руководством вчерашний гарем превратился в салон, получив лицензию на проведение увеселительных симпозиумов. Для особо продвинутых гостей у входа в дом установили две мемориальные статуи – поэта Мушрифы и визиря Назима. За отдельную плату живописец-портретист мог изобразить желающих в обнимку с великими людьми прошлого.

Вскоре салон вошел в моду.

И не вышел по сей день.

Вспоминая прошлые визиты к Бербери-ханум и чуточку краснея, Джеймс свернул на улицу Малых Чеканщиков. Начиная от угла, он принялся считать шаги – просто так, чтобы на минутку отвлечься от приятных, но довольно пикантных воспоминаний. Один, два... четырнадцать, пятнадцать... Негоже прожженному цинику, лишенному идеалов, краснеть, словно мальчишка. Пятьдесят три, пятьдесят четыре... Ничто нам не чуждо, все делает нас сильнее. Сто десять, сто одиннадцать...

Сто двадцать четыре.

– Рад снова видеть вас, сударь!

Заступив дорогу, перед Джеймсом стоял рябой «охотник» из оружейной лавки. По правде говоря, молодой человек

успел забыть об инциденте. И, в отличие от рябого, был не слишком рад встрече.

– Добрый вечер, сударь! Извините, я спешу...

Рябой неприятно ухмыльнулся:

– А я, знаете ли, никуда не тороплюсь. И вам не советую.

Лицо «охотника» хищно вытянулось, глубоко посаженные глазки тускло блестели, как у клиентов опиумокурильни. Брусчатка мостовой в свете месяца блестела точно так же, усиливая отвращение, без причины вспыхнувшее в душе Джеймса.

– Что вам нужно, сударь?

– Мне? Сушая безделица.

– Какая?

– Я желаю, чтобы вы еще раз показали мне ваш чудесный прием.

– Именно сейчас?

– Именно сейчас. Ни минутой позже.

– А если я не желаю?

– Что ж, пожелайте. Буду вам очень признателен.

Не оставалось сомнений, что рябой откровенно провоцирует ссору.

– Сударь, ваша настойчивость меня утомляет, – Джеймс старался говорить спокойно и доброжелательно. Все-таки крушение идеалов кое-чему научило молодого человека. – Если вам угодно скрестить со мной клинки, я к вашим услугам. Завтра днем, в том месте, какое вы предложите. А те-

перь дайте мне пройти.

Рябой по-прежнему загораживал дорогу. Рука «охотника» лежала на эфесе шпаги, а вся поза ясно говорила о готовности выхватить оружие в любой момент. Поведение назойливого любителя «свинских мечей» можно было истолковать одним-единственным способом.

– Вы – наемный убийца? Профессиональный браво?

Спрашивая это, Джеймс улыбался.

Терпеливость не числилась среди достоинств бывшего идеалиста.

– Нет.

– Грабитель?

– Нет.

– Просто забияка?

– Нет.

– Глупец?

– Вряд ли.

– Очень хорошо.

– Почему же это хорошо? – Впервые хладнокровие рябого дало трещину. Из-под наглой маски выглянуло недоумение, словно вор из-за угла спящего дома. – Что вы видите здесь хорошего?

Джеймс Ривердейл, в чьих предках числились граф Роберт Быстрый, близнецы Сайрус и Сайлас Непобедимые, Клайв Гроза Шарлатанов и, наконец, любимый дедушка Эрнест, расхохотался, чувствуя прилив бодрости.

– Куда уж лучше, сударь! Значит, мне будет не так противно заколоть вас!

Отскочив назад, он выдернул из ножен рапиру, подаренную ему дедом на прошлый день рождения. Клинок был чуть короче, чем у вчерашней бретты, но рукоять лучше подходила для Джеймсовой манеры фехтовать. Вместо традиционной чашки гарда рапиры формировалась дужками и кольцами. Две двойные дужки, сходясь, образовывали *pas d'вне* – второе боковое кольцо гарды. А боковые выемки на суженной и затупленной части клинка между кольцами облегчали проход пальцев в *pas d'вне*.

Это позволяло активнее действовать плечом.

– Не возражаете, сударь, если мы усложним задачу?

Левой рукой Джеймс обнажил дагу.

– Извольте.

Месяц щедро плеснул ртутным блеском на шпагу и длинный кинжал рябого.

Улица Малых Чеканщиков спала или делала вид, что спит. В конце концов, если мирные баданденцы способны почивать под успокаивающие вопли сторожей, может ли им помешать звон клинков? А если и помешает, то захочет ли мирный баданденец проявить интерес к этому, столь характерному звону, наводящему на малоутешительные размышления?

Ответ в обоих случаях: нет.

Минута вечера, уходящего в ночь.

Минута жизни, уходящей в смерть.

Минута.

Пустяк для транжиры, но для поединка – вечность.

Спустя ровно шесть десятков секунд, до краев наполненных самыми энергичными попытками уязвить друг друга, Джеймс обнаружил в действиях рябого странную закономерность. В вихре *passado* и *punto reverso*, из всех рипостов, ремизов, парадов и фланконад, из купе и ангаже, вольтов и батманов, снизу и сверху, слева и справа – отовсюду рябой наглец норовил выйти на один-единственный, до боли знакомый выпад.

В правый бок.

Туда, где в камзоле красовалась дырка, тщательно зашитая портным.

Он колол в эту мишень из примы и секунды, терции и кварты, и даже из совершенно невозможной сексты он изворачивался, являя миру чудеса гибкости, и опять колол в треклятую мишень. Он «вставал в меру» и «выходил из меры», кромсая и наращивая дистанцию, как бешеная виверна, – и вновь острие шпаги устремлялось к заветной цели. Он финтил и легировал, словно задавшись целью перепробовать на практике все главы книги «Парадоксы оружия» под автор-

ством Уолтера Ривердейла, Джеймсова прашура.

Складывалось впечатление, что рябой сошел с ума. Что целый день метался по Бадандену в поисках случайного знакомого, одержимый навязчивой идеей повторения. Что всем его существом овладела одна-единственная страсть, подобная горящему огню, — ища утolenия и не желая остыть, прежде чем достигнет желаемого.

Такое постоянство хорошо в любви, ибо есть признак верности души, как сказал поэт Мушрифa Хаммари, в чей гарем Джеймс шел, но не дошел.

Но в поединке...

Продолжая нападать и отражать, Джеймс то и дело ловил себя на отстраненности, на холодном взгляде со стороны. Он решительно был не в силах воспринимать эту ненормальную схватку как смертельно опасное занятие. Все слишком походило на учебу в фехтовальном зале. И даже не на *asso*, о котором сказано в учебнике господина Валтасара Фейшера:

«*Asso* есть представление сражения со шпагами, в коем употребляешь на противника все удары и все отбои, коим научился, стараясь один другого обманывать финтами, дабы тронуть или отбить удары!»

Бой на улице Малых Чеканщиков, в ночи, насквозь пронизанной клинками звезд, более всего напоминал выполнение конкретной задачи, поставленной ученику строгим мастером.

Ученик, будем честны, старался изо всех сил.

Маэстро-невидимка мог гордиться старательностью рябого и его изобретательностью в попытках выполнить урок любой ценой.

А Джеймс получал искреннее наслаждение, раз за разом подводя «охотника» к возможности воткнуть шпагу в вожденный бок – и избегая укола. Тот факт, что кинжалом рябой пользовался исключительно для защиты, норовя поразить цель только шпагой, лишь усиливал «учебность» происходящего.

Месяц свесился над крышей дома.

Звезды шептались меж собой.

Тени метались по стенам.

Рапира вильнула вправо, наткнувшись на кинжал. Дага встретила шпагу, завертела в изящном танце и увела в сторону: отдыхать. Техника рябого, в целом весьма приличная, по-прежнему оставляла желать лучшего в смысле блеска. Слишком педантично, слишком правильно. Свой почерк лишь недавно начал прорисовываться сквозь железную решетку классики.

Но нехватку оригинальности рябой с успехом компенсировал скоростью и молниеносной реакцией. Мысленно Джеймс ему аплодировал и предрекал славное будущее. Если, конечно, у рябого есть будущее.

Если оно не закончится прямо здесь.

Прямо сейчас.

Легкий ветер, приняв месяц за казан с пловом, от ду-

ши сыпанул туда шафрану. Серпик, еще недавно серебряный, налился сочной желтизной. Ювелирша-ночь принялась гранить звезды, снимая шлифовальным кругом карат за каратом. Густо-синие сумерки снизошли на Баданден. Дома вдоль улицы стали похожи на руины древних поселений. Глинобитные дувалы размазались в желтом сиянии, напомнив очертаниями барханы пустыни.

Казалось, у этих барханов человеческие профили.

Но Джеймс ничего не замечал.

Ему и так хватало забот.

Бой, когда каждый из противников вооружен двумя клинками разной длины – о, такой бой редко бывает элегантным до конца. Очень часто, если двое сходятся лицом к лицу, из-за кружевного занавеса мастерства на сцену выбирается грубая сила. Этот увалень плохо разбирается в красоте, зато напролом идет через все преграды.

Что ж, мир несовершенен.

Но устойчив.

Оказавшись вплотную и не имея возможности без потерь высвободить оружие, рябой боднул Джеймса лбом в лицо. Промажнувшись, он без особых угрызений совести пнул соперника ногой в низ живота и резко толкнул обеими руками. Отлетая назад, молодой человек на миг утратил равновесие – на краткий, мимолетный, невесомый миг...

Этого хватило.

Боль полоснула по груди, с левой стороны. Джеймс даже

удивился в первый момент. Как же так! – если рябому требовался правый бок, то при чем тут грудь? Секущий удар распорол ткань камзола и кожу, не причинив особого вреда. Но за ним последовал выпад, чувствительно оцарапав бедро, и умелая подсечка.

Спеша добить упавшего, рябой «охотник» опять вернулся к прежним ухваткам, норовя все-таки воткнуть шпагу в залатанную портным дыру – и наконец угомониться.

Стоит ли говорить, что Джеймса это не устраивало?

Черный сгусток – словно одна из теней сжалась в комок, прыгнув со стены на брусчатку, – катался по земле, окружив себя стальным покровом. Черный призрак – словно клочок ночи упал с небес – маячил сверху, сверкая парой звездных лучей. Синие руины толпились вокруг. Желтое сияние лилось в чернила, разбавляя тьму до мертвенной зелени.

Жевали губами человеческие лица барханов-дувалов.

Спрашивали: скоро ли?

– Спите, жители славного Бадандена!

– В городе все спокойно!

– В городе... Эй! Что вы делаете?

– Стража! Сюда!

Прежнее серебро вернулось к месяцу. Синева оставила улицу в покое. Дома как дома. И кто мог подумать, что это руины? Никаких барханов: дувалы из глины. Никаких профилей, и не надейтесь.

И больше нет двоих.

Есть – много.

Ночные сторожа с колотушками, вооруженные стражники с копьями, Джеймс Ривердейл, весь в пыли и крови; какие-то жители карабкаются на крыши домов, желая полюбопытствовать, какие-то собаки лают, выскакивая из дыр; шум, гвалт, суматоха...

– Лекаря!

– Не надо лекаря...

– А где второй?

– Сбежал...

– Касым с людьми отправились в погоню...

– Есть лекарь! Хабиб аль-Басани живет за углом!..

– Не надо, говорю...

– Что вы! Вы – гость Бадандена...

Салон Бербери-ханум не дождался сегодня Джеймса Ривердейла. А жаль! – ханум говорила, что такого приятного молодого человека она никогда раньше не встречала, и если бы не ее почтенные годы...

Что ж, вкусу Бербери-ханум можно было доверять.

**САПУТ III,
в котором мы знакомимся с одним
хайль-баши, во всех отношениях
превосходным человеком, гордимся
любовью, которую власти Бадандена
испытывают к гостям города, и
понимаем, что от дома хабиба до
вождеденной мести врагу – много
больше шагов, чем хотелось бы...**

Первые лучи солнца, ласкового с утра, прорвались сквозь листву старой чинары, росшей напротив окна. Обнаружив щель в неплотно задернутой шторе, они проникли в комнату – и рассекли сумрак золотисто-розовыми клинками небесных воинов-армигеров из свиты Вечного Странника.

Будь существо, лежавшее на огромной квадратной кровати-пуфе под шелковым балдахином, упырем – или, к примеру, игисом-сосунком! – оно бы в ужасе бросилось прочь из комнаты, поспешило забиться под кровать и, опоздав, с отчаянным воем обратилось в пепел, исходя зловонным дымом.

Однако указанное существо ни в коей мере не являлось

ночной нежитью.

Солнечного света оно не боялось.

Молодой человек заворочался в постели, сощурился, протирая заспанные глаза. Безбоязненно и с удовольствием подставил лицо теплой ласке светила, потянулся, хрустя суставами, и скорчил болезненную гримасу. Вчерашние порезы давали себя знать. То, что рана неопасна, отнюдь не означает, что она не станет болеть при неосторожном движении.

Словно почуяв пробуждение больного, в комнате объявился хабиб аль-Басани. При свете дня он оказался совсем еще нестарым человеком. Седина в козлиной бородке лекаря выглядела искусственной. С ее помощью хабиб явно пытался придать себе солидности.

– Как спали? Раны не беспокоили?

На родном языке Джеймса лекарь говорил прекрасно, почти без характерного баданденского акцента. Наверняка учился в Реттии.

– Благодарю вас, уважаемый. Я спал отлично.

– Чудненько, чудненько! Тем не менее позвольте вас осмотреть.

Молодой человек шутливо развел руками, подчиняясь врачу.

И еще раз поморщился.

Хабиб картинно щелкнул пальцами. В дверях возник его помощник – мальчишка, похожий на скворца, обремененного чувством важности собственной миссии. В руках скворец

держал широченный поднос, на котором курилась паром серебряная чаша с горячей водой. Вокруг чаши двумя стопками лежали чистые бинты и полотенца, громоздились флаконы с мазями и зловеще поблескивала сталь хирургических инструментов.

– Приступим?

Джеймс начал подозревать наихудшее.

Стоило выжить на улице Чеканщиков, чтобы тебя из лучших побуждений залечили до смерти...

К счастью, ланцеты и щипцы не понадобились. Разве что узкий шпатель для целебной мази. Лекарь осмотрел раны, уже начавшие затягиваться, с удовлетворением покивал, бормоча себе под нос какую-то галиматью, и тщательно удалил старую мазь. Затем он покрыл порезы Джеймса слоем свежей – острый запах снадобья заглушил аромат цветов, долетавший через приоткрытое окно.

Наложив новые повязки, аль-Басани разрешил пациенту одеться.

– На постельном режиме я не настаиваю, – важно сообщил он.

И вдруг стал очень похож на мальчишку-помощника.

С аппетитом уплетая поданный скворцом завтрак: горячие лепешки, козий сыр с кинзой и превосходный кофий, где плавал взбитый желток, – Джеймс был бы вполне доволен жизнью, если б не два обстоятельства. Первым и главным из них, безусловно, являлся рябой наглец-задира, ушедший –

вернее, позорно сбежавший! – от справедливого возмездия. Вторым же было ожидание счета, который выставит заботливый хабиб за свои драгоценные услуги.

Еще и завтрак включит, можно не сомневаться. Причем по ценам самой дорогой в Бадандене ресторации. Не то чтобы молодой человек был крайне стеснен в средствах, но...

– К вам гость.

Хабиб со значением воздел палец к потолку и добавил:

– Официальный гость.

– Просите, – кивнул Джеймс, допивая кофий.

* * *

«Официальный гость» выглядел, с точки зрения Джеймса, отнюдь не официально. Так одеваются франты: малиновый халат с золотыми драконами, синий кушак с кистями, темно-лиловый тюрбан, шелковые шаровары того же цвета и щегольские, расшитые бисером туфли с загнутыми носами. У пояса – кривой шамшер в ножнах, инкрустированных яшмой. На голове – чалма с концом, падающим на левое плечо.

В правой руке франт держал четки из агата, выдававшие в госте поклонника творчества аль-Самеди Проницательно-го. Каждая бусина четок, отличаясь оттенком от остальных, символизировала один из бейтов знаменитой «Касыды об Источнике Жизни» прославленного баданденца:

Хлещут годы жгучей плетью, за спиной молчат столетья,
Собирался вечно петь я, не заметил, как допел, —

Задыхаюсь в душной клети, сбит с пути, лежу в кювете,
Стар, гляжу – смеются дети; одинок, бреду в толпе.

Где надежда? Где удача? Ноги – бревна, сердце – кляча.
Спотыкаясь, чуть не плача, по извилистой тропе

В ночь тащусь, еще не начат, но уж кончен. Силы трачу,
На ветру, как флаг, маячу – ах, успеть бы!.. Не успел.

Ну, и так далее.

Высокий, статный, смуглый, с густой бородой кольцами, крашенной хной, – визитер производил впечатление сильно-го человека. Люди этого типа чувствуют себя хозяевами в любой обстановке. Волевые скулы, на левой – едва заметный застарелый шрам (как у рябого!..), тонкие губы, орлиный нос (опять! Джеймс, дорогой, прекрати блажить...) – и внимательный, цепкий взгляд карих, чуть раскосых глаз.

Раз встретишь – запомнишь надолго.

Хищник.

Опасный, быстрый и знающий себе цену.

– Ас-салям алейкум, – раскланялся гость, галантно описав четками в воздухе безупречную «восьмерку». Жест напомнил Джеймсу фехтовальный прием одной из турристанских школ боя на саблях. – Разрешите представиться: Азиз-

бей Фатлах ибн-Хасан аль-Шох Мазандерани. Хайль-баши 2-го специального отдела дознаний Канцелярии Пресечения Бадандена.

Увидев, как медленно вытягивается лицо молодого человека, гость сжалился над приезжим, неспособным с первого раза запомнить столь простое имя, и милостиво добавил:

– Но вы можете называть меня просто Азиз-беем.

– Алейкум ас-салям, – Джеймс привстал и сопровождал ответный поклон улыбкой, достаточно радушной, чтобы Азиз-бей не счел себя оскорбленным. – Джеймс Ривердейл, виконт де Треццо. Присаживайтесь. Чему обязан?

«Хайль-баши? Однако! Серьезный чин к нам пожаловал! В армии Бадандена хайль-баши командует двойной тысячей. А в Канцелярии Пресечения? Двумя сотнями мушерифов?»

Прежде чем легко опуститься в кресло, Азиз-бей продемонстрировал собеседнику шестиугольный значок-персоналий с руной Порядка, карающим мечом и баданденской звездой. Значок вспыхнул зеленым пламенем, над ним всплыло объемное лицо Азиза, подтверждая полномочия хайль-баши.

Завладей значком самозванец, в его руке тот загорелся бы алым огнем, мгновенно раскалившись докрасна и оставив на ладони вора ничем не сводимое клеймо:

«Сын шакала».

– Насколько нам известно, вчера вечером на улице Малых Чеканщиков вы подверглись коварному нападению. В

результате одного вы были ранены и доставлены сюда, а нападавший скрылся. Мне поручено произвести дознание по этому делу, выяснить все обстоятельства и установить, наличествует ли состав преступления. Подтверждаете ли вы факт нападения?

Джеймс встал с кровати и пересел во второе кресло, стараясь выглядеть столь же непринужденно. Откровенничать с высокопоставленным сыскарем он не собирался. Но отрицать очевидное – глупо.

– Подтверждаю. И имею заявление.

– Я слушаю.

– Это был честный поединок, а не коварное нападение.

– Дуэль?

– В общих чертах да. Один на один, с объявлением намерений.

– Очень интересно. И кто же, позвольте спросить, оказался вашим противником?

– Он не назвался. Впрочем, моего имени он тоже не спрашивал.

– У вас имелись секунданты?

– Нет.

– Значит, правила дуэли не были соблюдены. Данный случай можно классифицировать как...

– Простите, почтенный Азиз-бей, – вмешался Джеймс, по-прежнему улыбаясь, но гораздо холодней. Классификация хайль-баши, еще не начавшись, ему уже не нравилась. – В

пункте 7-b Международного Дуэльного кодекса, ратифицированного в том числе Реттией и Баданденом...

– Я помню кодекс, о многомудрый виконт, – вернул улыбку хайль-баши. Если улыбка Джеймса была изо льда, то улыбка Азиз-бея смотрелась выкованной из стали. – В особых случаях, когда защита чести не терпит отлагательств... Извините за нескромный вопрос, но что же послужило поводом для вашего поединка?

Разумеется, Джеймс имел полное право не отвечать. Однако зачем ссориться с представителем Канцелярии Пресечения? С Азиз-беем вообще не возникало никакого желания ссориться, даже не будь он «официальным гостем». Напротив, возникало страстное желание оказаться от него как можно дальше. И никогда больше не видеть этого лица – красивого, но словно вырезанного из мореного дуба, со старым шрамом и стальной приветливостью.

Боялся ли молодой человек хайль-баши?

О нет!

С чего бы?! – пусть его преступники боятся.

Но в присутствии баданденца Джеймс чувствовал себя неуютно.

– Мы поспорили из-за одного фехтовального приема. И чтобы разрешить наш спор, обнажили шпаги. Ну а потом... Мы несколько увлеклись.

– Понимаю.

На сей раз улыбка у Азиз-бея вышла вполне человеческой.

Джеймс даже ощутил малую толику симпатии к хайль-баши. Возможно, вне службы баданденец – милейший человек и приятнейший собеседник, любитель поэзии и охоты на фазанов.

В отличие от рабочих часов, когда он – «при исполнении».

* * *

В дверь сунулся хабиб, желая сказать хайль-баши, что раненому нужен покой. Дело, пожалуй, было не столько в покое раненого, сколько в желании лекаря напомнить о своем существовании. Но Азиз-бей, хотя и сидел спиной к аль-Басани, нахмурился со значением, перебрал четки – и козлобородый султан целителей молча испарился, словно роса под лучами солнца.

Видимо, решил заглянуть попозже.

– Почему же ваш соперник в таком случае бежал? Если имела место честная дуэль или просто спор двух фехтовальщиков?

– Не знаю.

Джеймс пожал плечами и закинул ногу за ногу.

– У вас есть предположения на сей счет?

– Может быть, мой оппонент опасался, что его, не разобравшись, примут за грабителя или убийцу?

Азиз-бей огладил свою чудесную бороду, пропуская кольца между пальцами.

– Что было бы недалеко от истины. Это он настоял на выяснении вашего спора путем поединка?

– Да, – без особой охоты подтвердил молодой человек.

Назваться зачинщиком, возводя на себя поклеп и выгораживая «охотника», было бы совсем уж глупо.

– Затеянный спор мог оказать предлогом, верно?

– Предлогом к чему?

– К вызову вас на поединок с целью убить и ограбить.

– Обычно грабители поступают иначе.

– И убийцы тоже, – серьезно кивнул хайль-баши. – Но в стае, как говорится, не без белой вороны. Были случаи. Вот вы, дворянин и честный человек, стали бы вы нарываться на поединок с незнакомцем, всего лишь желая проверить на практике действенность фехтовального приема?

– Я – нет. Но знаю немало людей благородного происхождения, кто вполне мог бы оказаться на месте моего оппонента. У меня к нему нет никаких претензий. Раны пустяковые, я, как видите, не прикован к постели. А спор наш вышел весьма занимательным. Впору найти этого человека и поблагодарить за доставленное удовольствие.

Джеймса мало интересовало, поймет хайль-баши его намек или воспримет как браваду. Он сам отыщет рябого. Сам! И сполна рассчитается с наглецом. Это дело чести! Нечего впутывать сюда баданденские власти. В конце концов, они бились один на один. Недостойно дворянина...

– Вы официально отказываетесь от претензий к нападав-

шему?

- Отказываюсь.
- Вы можете подтвердить свой отказ письменно?
- Хоть сейчас.
- Имеются ли у вас претензии к властям Бадандена?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.